

К. Симонов

ЛЮДЕСЬЛ

Константин Симонов

ШЬЕСЪИ

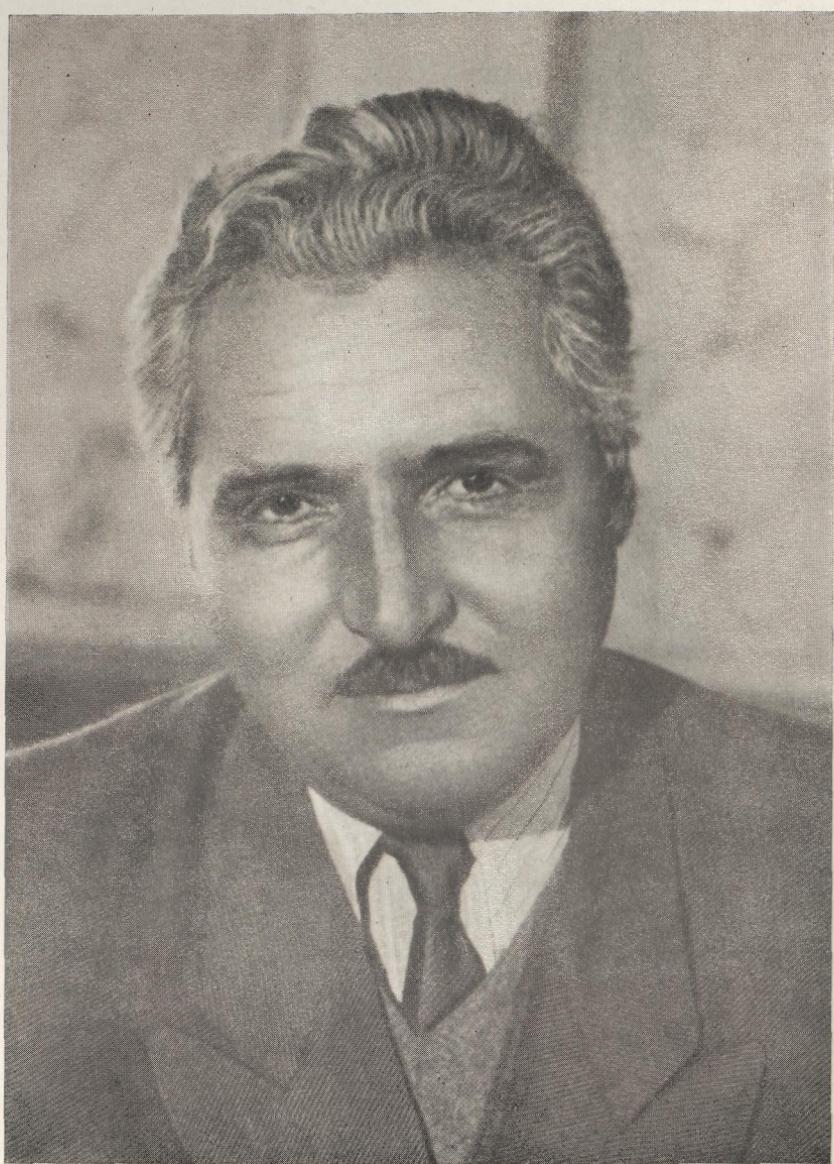

Государственное издательство

• ИСКУССТВО •

Москва

1954

Doporučky
Koncmaunuy vnedcaugpobury
Peguny

Bam

K. Curnovoy

19^{??} IV 55

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — ДЛИННЫЙ

НАВЕРНОЕ, в этом кабинете приятно работать. Можно встать из-за стола и свободно ходить, обдумывая фразу. Можно протянуть руку и достать с полки книгу или папку, которая тебе нужна.

Кабинет полупуст. Нет шкафов с классиками, нет выстроившихся в ряд собраний сочинений. Только деловое, только необходимое.

На уровне протянутой вверх руки — папки, папки и папки. В них — факты, документы, цифры, выписки из архивов. Скорей кабинет историка, чем писателя.

— Я и есть историк, — говорит К. Симонов. — Этой работы за меня никто не сделает. И каждый из нас, пишущих о войне, историк.

На стол ложатся переплетенные дневники, воспоминания маршалов, извлечения из газет, приказов, сводок. Им есть где улечься. Стол просторен и в середине освобожден от бумаг. Бумаги —

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

высокими холмами по бокам его. Здесь же стоит диктофон в чехле, лежат карандаши и авторучки. К. Симонов диктует, печатает на машинке, правит перепечатанные набелые листы.

Сейчас он готовит к печати дневники 1941 года. Это дневники, которые вел корреспондент армейской газеты К. Симонов с первого дня войны, первого ее часа. Часть из них уже появилась в издательстве «Советская Россия» в книжке «Каждый день — длинный».

Но это только часть. Первые «сто дней» войны, попавшие в симоновский дневник, составляют больше десяти листов. Столько же места занимают современные комментарии к ним.

Комментарии — не попытка переписать дневник, улучшить его. Это фактическое дополнение к нему. Это комментарий цифрами, именами, расшифровкой неточных строк.

Автор больше всего заботится о точности дневника. Поэтому он дал его читать всем, кто был в те месяцы там же, где и он. И не только дал читать, но и составил

список вопросов, на которые читавшие должны были ответить. В список попала каждая мелочь, каждый вызывавший его сомнение эпизод. К. Симонов поставил свою память под перекрестный огонь чужой памяти. Дневник подвергся обсуждению еще до своего выхода в свет. Это дало пищу для комментария, насытило его участием многих лиц. Времена сомкнулись — образовался мост между настоящим и прошлым.

То, что начал разбирать год назад К. Симонов, еще не было дневниками. Это были корреспондентские заметки, полуслова, полунамеки, факты без имен, а именно без фактов. И одно только было совершенно подлинно и достоверно — интонация.

Но кто тогда думал об интонации? Да и писалось это не для себя, а для газеты, для однодневки. И половину того, что думалось в те дни, нельзя было записать в блокнот: слишком тяжело это было, слишком опасно.

И вот из этой иероглифической летописи надо было восстановить время, восстановить себя, жившего тогда, восстановить войну.

Началась чистка и разбор фактов. К. Симонов ничего не менял в дневниках, он их дописывал.

Он поднял подшивки газет за первые месяцы сорок первого года. Он читал наши газеты и газеты других стран. Он вчитывался в атмосферу, которая была неведома ему — корреспонденту армейской четырехполоски. Он постарался представить, как видел мир те же события, которые видел и он, К. Симонов.

Дневник выходил из границ его дневника, он вписывался в дневник войны.

Имена, которые К. Симонов записывал в сорок первом году, требовали расшифровки. Естественным был вопрос: где эти люди? Живы ли они? Что с ними? Так продолжилось дело «Брестской крепости».

Писатель поселился в архивах. Он погрузился в переписывание, в сверку, в следовательское долготрепление.

На этот раз корректировщики его дневников выступали документы. От них тянулась искомая нить к фактам, к людям, которые обнаруживались то тут, то там. Из их историй возникал новый

Писатель за рабочим столом

дневник, вторая — сегодняшняя — половина его.

Сейчас обе половины соединились. Дневник закончен, перепечатан и лежит на симоновском столе. Его ждут в редакции «Нового мира».

В ПАУЗАХ между восстановлением дневника К. Симонов вовлекся еще в одну работу. Собственно, это была та же работа, потому что речь идет о фильме, который по событиям совпадает со страницами дневника. Это фильм о Москве сорок первого года, о разгроме немцев, о первых днях войны и первой нашей победе.

Фильм жестко, документальный. Отбираются факты-кадры, по nim пишется сценарий. К. Симонов вовлекся еще в одну работу. Собственно, это была та же работа, потому что речь идет о фильме, который по событиям совпадает со страницами дневника. Это фильм о Москве сорок первого года, о разгроме немцев, о первых днях войны и первой нашей победе.

Фильм жестко, документальный.

Отбираются факты-кадры, по

ним пишется сценарий.

Недавно мы могли оценить силу живого, движущегося документа: мы смотрели фильм

М. Ромма «Обыкновенный фашизм». То, что нельзя подтвердить словами, цифрами, подтверждает кинокадр. Потому что это факт во всей его обнаженности. Мы соприсутствуем при нем без посредника, без рассказчика, без очевидца. Мы сами очевидцы, и в этом гигантское преимущество кинодокумента.

Никаких французских дел короля Альберта II не менять и непредназначенные игровые превзойти.

Также не

знает, что «Фюрер» в

всюду висит на кинокадре

Фильм

экспериментальный, снятый в

студии «Союзкино».

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

К. Симонов

робьев,

В. Орды

Как

сих

дней

будут как

сегодня.

Сценарий

Никакие описания убийства французского министра иностранных дел Барту и югославского короля Александра не смогут заменить плёнки, где это убийство непреднамеренно снято. Никакие игровые кадры не способны это превзойти.

Так же как никакие разоблачения не заменят нам живого лица «фюрера», его потных сдавленных висков, его длящейся в кинокадре ничтожности.

Фильм о Москве сорок первого года делается только из документов. Это ленты хроники, ленты, снятые в бою, в окопе, на месте действия.

Фильм ставится на экспериментальной студии «Мосфильма». Сценарий его пишут К. Симонов и Е. Воробьев, режиссер — В. Ордынский.

Как и в симоновских дневниках, здесь будут кадры, снятые сегодня. Их не инсценируют, их снимают неожиданно, врасплох. Они переносят тех же людей из одного времени в другое, они ставят в притык прошлое и настоящее.

Тяжкий сорок первый год не «смягчается» шестьдесят шестым. Он продолжается. Он протягивается дальше — в неизбежное следствие свое.

— Ну, а как же роман? — спросил я хозяина.

— Все это роман, — ответил К. Симонов. — Это для него. Без этого я не напишу о сорок пятом году.

Роман о сорок пятом году — окончание «Живых и мертвых» и

Константин Симонов
Фото Я. Халипа

Солдатами не рождаются» — пристает из фактов. Он скапливается из подробностей, из распутывания исторических клубков, обнаружения началь и концов.

История Великой Отечественной войны еще пишется, и ее придется писать тем, кто берется романы о ней. Они не могут не пользоваться историками, потому что идут рывками, потому что у них нет д рукоятки карты, где были бы поставлены все точки над «и». Они ми эти точки ставят.

Поэтому надо быть вооружен-
ым. Поэтому надо знать каж-
кий пустяк, каждую мелочь и
быть уверенным, что это не вы-
несут. Понимание войны выра-
зает из знания, оно немыслимо
без него.

Вот почему понадобился этот имоновский рейд в прошлое, это ступление в память, отступление в факты. Факт живет долго, и не сгорает в пламени дня.

Слушая К. Симонова, я понял, как это важно — дописать войну до конца, дописать сашу войну, и только ее. Уже одно это стойт речи. Ибо о конце войны мы знаем меньше всего.

Конец войны запомнился нам в победной скоротечности, он мелькал под громы салютов. Так кажется тем, кто не был на войне. Же же, кто был там, знают, что то была тоже война. И, может,

амая тяжкая из всех, что были
а четыре года.

Недавно мы прочитали книгу В. Субботина «Как кончаются войны». Мы прочитали, как брали

ним Серпилиным. Они уже поняли в «Солдатами называются». Они должны по новому роману еще больше

— Это главное, — говорил Симонов. — Главное, что пошли дальше в понимании себя. И это —
всего.

— Кто из героев еще ся?

— Почти все. И кто-то появится, а кто-то, может «воскреснет»...

— Будет ли в романе?
— Обязательно. Вообщ

тории ничего нельзя вычеркнуть. Как и вписать в нее тоже.

— До этого в ваших
почти не было немцев. Были они?

— Будут. Война переходит на их территорию, как им н

БУМАГИ, собранные
мана, ложатся и
на стол. Вот дневники со
того года. Это «личный»
Бумаги, из которых

Вот «опыт истории»: сводки, выписки из допросов пленных. И — воспоминания, воспоми-

ее. Другие не могут писать войну без времени. Я пытаюсь делать второе.

Сейчас, когда симоновские романы подошли к Берлину, они подошли к чертеже, за которой Синцов не может оставаться прежним Синзовым, а Серпилин — преж-

Конечно, понять всю

Конечно, понять всю невозможность. Но приблизить к ней — это цель. А для

«Солдатами не рождаются» — вырастает из фактов. Он скапливается из подробностей, из распутывания исторических клубков, из обнаружения начал и концов.

История Великой Отечественной войны еще пишется, и ее приходится писать тем, кто берется за романы о ней. Они не могут не быть историками, потому что идут первыми, потому что у них нет под рукой карты, где были бы поставлены все точки над «и». Они сами эти точки ставят.

Поэтому надо быть вооруженным. Поэтому надо знать каждый пустяк, каждую мелочь и быть уверенным, что это не вымысел. Понимание войны выражает из знания, оно немыслимо без него.

Вот почему понадобился этот симоновский рейд в прошлое, это отступление в память, отступление в факты. Факт живет долго, он не горает в пламени дня.

Слушая К. Симонова, я понял, как это важно — досписать войну до конца, дописать саму войну, и только ее. Уже одно это стоит романа. Ибо о конце войны мы знаем меньше всего.

Конец войны запомнился нам в победной скоротечности, он мелькнул под громы салютов. Так кажется тем, кто не был на войне. Те же, кто был там, знают, что это была тоже война. И, может,

самая тяжкая из всех, что были за четыре года.

Недавно мы прочитали книгу В. Субботина «Как кончаются войны». Мы прочитали, как брали Берлин, как устанавливали флаг Победы над рейхстагом. Мы узнали имена погибших, не внесенных в историю, но сделавших свое дело у стен его. Мы увидели, чего стоили эти последние дни войны. Победа была победой, но это был и конец войны, и это была усталость от нее, и желание кончить все скорее и выжить.

Готовясь к роману, К. Симонов прочитал пачки солдатских писем сорок пятого года. Они писались домой как прощания, как завещания. Кто знал: выживет ли он, доживет ли? В конце войны не хотелось умирать.

Эти письма нельзя выдумать. Их нельзя урезать, обрезать, переписать по-своему. Их можно только вставить в роман.

Роман будет насыщен фактами. Но факты — не единственная цель его.

— Военные писатели, — сказал К. Симонов, — делятся на два рода. Одни пишут войну, и только ее. Другие не могут писать войну без времени. Я пытаюсь делать второе.

Сейчас, когда симоновские романы подошли к Берлину, они подошли к черте, за которой Синцов не может оставаться прежним Синцовым, а Серпилин — преж-

ним Серпилиным. Они уже многое поняли в «Солдатами не рождаются». Они должны понять в новом романе еще больше.

— Это главное, — говорит К. Симонов. — Главное, чтобы они пошли дальше в понимании времени и себя. И это — труднее всего.

— Кто из героев еще останется?

— Почти все. И кто-то еще появится, а кто-то, может, и «воскреснет»...

— Будет ли в романе Сталин?

— Обязательно. Вообще из истории ничего нельзя вычеркнуть... Как и вписать в нее тоже.

— До этого в ваших романах почти не было немцев. Будут ли они?

— Будут. Война перешла на их территорию, как им не быть.

БУМАГИ, собранные для романа, ложатся и ложатся на стол. Вот дневники сорок пятого года. Это «личный» опыт. Вот «опыт истории»: газеты, сводки, выписки из допросов военнопленных. И — воспоминания, воспоминания, воспоминания.

К. Симонов опрашивает и маршалов, и солдат — он хочет видеть войну и «сверху», и «снизу». Ему нужно понять всю истину.

Конечно, понять всю истину невозможно. Но приблизиться к ней — это цель. А для этого

нужно выслушать всех. Надо просеять десятки мнений, чтобы на дне осталось только твое.

Как это разрешится в романе, покажет сам роман. А пока он пишется. Пишется трудно — потому что всегда трудно, когда поднимаешься, когда идешь дальше вверх.

Если «Живые и мертвые» были еще хроникой войны, то в романе «Солдатами не рождаются» раскрылся Серпилин. В Серпилине — в истории его души — раскрылись война и время. В Серпилине К. Симонов поднялся до трагического.

Вся военная проза его — это медленное восхождение к Серпилину. Это восхождение с ощущением высоты, с ощущением увеличивающегося расстояния от точки восхождения, с перебивающим дух чувством неизвестного.

— Когда я писал свои прежние вещи, — сказал он мне, — я твердо знал, чего я хочу. С Серпилиным этого не получилось. Он знал больше меня. Он чувствовал и поступал так, как я и не догадывался. У меня было чувство, что все рушится, что романа нет, что не может быть никакого конца.

— Но конец нашелся?

— Да. Но, как видите, это был еще не конец. Я убежден, что и роман о конце войны не будет концом Серпилина. О нем еще придется писать.

ПРОЕКТЫ

Проект этого дома для сельской местности создали архитектор И. Вайнштейн и инженер Г. Батурина, сотрудники института «Граждансьстрой». В нем две 4-комнатные квартиры. Каждая из них занимает два этажа. Внизу — кухня и гостиная. Под кухней имеется подвал для топлива и продуктов. Второй этаж отведен под три спальные комнаты с балконами. Такой дом можно смонтировать из крупных блоков, изготовленных на заводе.

Фото Р. АЛФИМОВА.

ВЫСТАВКА

ФИЛАТЕЛИСТОВ

ЧЕТВЕРТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЧЕРА ОТКРЫЛАСЬ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ. ОНА ПОСВЯЩАЕТСЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.

Экспозиция размещается в четырех залах музея, любители-филателисты из 60 городов Союза и из социалистических стран показывают здесь 200 своих коллекций. На стенах представлено более 50 тысяч марок, открыток, конвертов. О революционном движении стран Европы — Венгрии, Германии, Италии, Франции — рассказывают марки М. Добикна из Ленинграда. «Ленинская политика мира и мирового международного сотрудничества Советского Союза» — назвал свою коллекцию М. Снегирев.

Кадры из фильмов, где снят Ленин, Тухачевский, Маяковский, из современных фильмов, зарубежных — запечатлены на марках, открытках и конвертах студента ВГИКа К. Огнева. На выставке, которая продлится до 29 марта, будет работать почтовое отделение, имеющее специальный штемпель. Здесь можно купить выпущенные к выставке марки и конверты.

Н. МОШНИНА.

КОНСТРУИРУЮТ ЮНЫЕ

Интересное применение двигателя от мотопилы «Дружба» нашли ребята, занимающиеся в аэросанной лаборатории Пермской областной станции юных техников. После небольших переделок двигатель стал вращать воздушный винт. Получился мощный, легкий и

у него внимательные глаза, коротко подстриженные седые волосы, во время разговора он часто поднимается из-за длинного стола, на столе книги, письма, рукописи, трубки и в зубах у него трубка, но он сейчас не курит, трубка просто так, по привычке. Его рабочий кабинет расположен на первом этаже многоквартирного дома, за широким окном — голые ветки высокого дерева и белое небо.

— Готовясь к встрече с вами, я провел микроисследование — спросил у нескольких человек: «Кто такой Константин Симонов?» Получил вот какие ответы: одни называли вас поэтом, другие — писателем, общественным деятелем, борцом за мир. Не могли бы вы в двух словах выразить свое отношение к результатам этого «проса», поскольку речь идет о вас.

— Хотя я, в общем-то, не пишу стихов уже пятнадцать лет, занимаюсь исключительно прозой, пишу романы о военном времени, но, видимо, на то, что некоторые из опрошенных вами называли меня поэтом, обижаться не приходится. Считают поэтом — хорошо. Видно, где-то в памяти застряли стихи. Хотя, конечно, как, наверное, и каждому литератору, мне всегда важнее всего отношение к последней работе. Последняя работа для меня — это романы о войне: «Живые и мертвые» и «Солдаты не рождаются».

Если говорить о моем самочувствии — я чувствую себя последнее десятилетие во всяком случае прозаиком. И в какой-то мере историком, поскольку пишу на теперь уже историческом материале войны...

Симонов продолжает:

— Человек, который назвал меня борцом за мир, по сути, наградил меня очень высоким, обязывающим званием... Если думать о будущем человечества, то важнее борьбы за мир ничего нет вообще. Правда, я не столь активный деятель этого движения, как многие мои товарищи, хотя и принимаю в нем участие на протяжении двадцати лет.

Я в сущности, писатель военный, почти все, что я пишу, пишу о минувшей войне. Мне кажется, что моя обязанность, как участника войны, рассказать о том, что я видел и знаю. Потому что все больше становится людей, которые не помнят и не могут помнить этой войны, знают о ней понапалку. На мой взгляд, очень важно рассказать им, чем была эта война с фашизмом, вопреки всем нашим усилиям сохранить мир, все-таки ставшая неизбежной; и каких усилий и жертв стоила нашему народу победа в этой справедливой войне.

По-моему, это тем более важно, что многие события последнего времени на разных континентах напоминают нам о том, как поднимал голову фашизм в тридцатые годы и чем это было чревато для человечества.

Сегодня в мире ведутся

нас ответственность и доставляет высокое счастье чувствовать себя нужными. Вот поэтому споры о месте литературы и писателей, если говорить о нашем обществе, мне кажутся беспредметными.

Я думаю, что разговоры о потере литератором своего значения, своего места в духовной жизни общества — это разговоры людей, либо чего-то испугавшихся, либо переставших верить в свои силы, либо внутренне согласившихся на роль «литератора для немногих»... Мне кажется, что, только поставив на себе крест, как на писателе, можно согласиться с тем, что литература не может влиять на общество, не может найти себе в нем место. Зачем тогда заниматься этой работой?

товарищам, которые в данный момент рядом. Все ли десять человек, лежащие в этом окне, поднимутся в бой или девять пойдут, а один останется?

Я привел пример войны. Но и в мирное время, сейчас этот вопрос необыкновенно важен. Как человек смотрит на жизнь? Считает ли он необходимым для себя делать то дело, которое он может с наибольшей пользой для общества выполнить? Или он ищет такую работу, при которой ему будет удобней, которая даст ему наибольшие материальные блага, спокойную жизнь? Эта моральная проблема очень остра, потому что есть в нашем обществе люди и те, и другие... Я не хочу сказать, что человек, идущий на выполнение общественного долга, обязан прежде всего смириться с заведо-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Константи^н Симонов

— Какие нравственные проблемы, порожденные особенностями нашего времени, на вас взгляда, сегодня максимально остры?

Он отвечает не сразу.

— Мне кажется, что основной нравственной проблемой остается по-прежнему проблема сочетания общественного и личного, способность людей подчинять деятельность общественному долгу, не вдавливая своей личности... Этот вопрос сложный, нельзя упрощать его. Не всегда нам хочется делать то, что мы должны делать. Но если говорить о чем-то главном в жизни, то подчинение общественному долгу все в большей и в большей мере должно отвечать личным желаниям человека.

Насколько сложен этот вопрос, можно представить себе, скажем, обратившись к примерам военного времени.

Момент, когда по сигналу командира из окопов и укрытий поднимается в атаку на противника рота... В этот момент общественный долг каждого солдата — встать и идти вперед. Но у человека есть личный интерес — быть живым. Для того чтобы остаться живым, нужно остаться в укрытии. Но человек это преодолевает, в его личности, внутри, есть нечто, и это нечто заставляет его подняться и идти в атаку и выполнять общественный долг.

Что в нем сильнее — стремление выполнить долг при сознании, что это может принести ему смерть, или

мыми лишениями, худшими условиями жизни, меньшим заработком. Это совершенно неправильный взгляд. Наоборот. С другой стороны, здоровый, сильный, на все способный, с точки зрения физических и профессиональных данных, человек, работающий тем не менее хуже других, казалось бы, логически должен быть поставлен обществом в условия меньших удобств, меньшего заработка и т. д. Почему же мы на деле иногда повторствуем таким людям в их плохой работе? Повторствуем возможность создания высокого жизненного уровня по сравнению с людьми, действительно отдающими себя до конца обществу? Вот об этом придется думать, эту проблему придется решать и решать как можно скорее...

— Журналисты «Комсомольской правды» часто пишут о героизме людей, особенно молодых, при каких-то чрезвычайных ситуациях, стихийных бедствиях, авариях... Но все это происходит в мирное время. Вам написаны тысячи страниц о подвиге людей во время войны. Где, по-вашему, легче совершить подвиг — на войне или в мирное время? Или такой вопрос неправомерен?

— Наверное, лучше бы обрасти этот вопрос к людям, совершившим подвиги... Но если вы спрашиваете меня, то я бы хотел заметить, что мы вообще должны подходить к слову «подвиг», осторожней, я бы сказал, целомудренней, чем это у нас часто делается.

Есть ведь еще такое, доста-

Кадры из фильмов, гравюры на холсте, портреты Ленина, Тухачевского, Маяковского, из современных фильмов, зарубежных — запечатлены на марках, открытках и конвертах, студента ВГИКа К. Огнева. На выставке, которая продлится до 29 марта, будет работать почтовое отделение, имеющее специальный штемпель. Здесь можно купить выпущенные к выставке марки и конверты.

Н. МОШНИНА.

КОНСТРУИРУЮТ ЮНЫЕ

Интересное применение двигателя от мотопилы «Дружба» нашли ребята, занимающиеся в аэродинамической лаборатории Пермской областной станции юных техников. После небольших переделок двигатель стал вращать воздушный винт. Получился мощный, легкий и компактный аэродвигатель. Надетый на спину, как ранец, он легко катит лыжника по лыжне. Пока ребятами сделано пять таких ранцевых аэродвигателей.

Специальная команда лыжников скоро выяснил возможности нового вида спорта — гонки на лыжах с пропеллером за спиной.

Фото Э. КОТЛЯКОВА.

ком случае прозаиком. И в какой-то мере историком, поскольку пишу на теперь уже историческом материале войны...

Симонов продолжает:

— Человек, который называл меня борцом за мир, по сути, наградил меня очень высоким, обязывающим званием... Если думать о будущем человечества, то важнее борьбы за мир ничего нет вообще. Правда, я не столь активный деятель этого движения, как многие мои товарищи, хотя и принимаю в нем участие на протяжении двадцати лет.

Я, в сущности, писатель военный, почти все, что я пишу, пишу о минувшей войне. Мне кажется, что моя обязанность, как участника войны, рассказать о том, что я видел и знаю. Потому что все больше становится людей, которые не помнят и не могут помнить этой войны, знают о ней понаслышке. На мой взгляд, очень важно рассказать им, чем была эта война с фашизмом, вопреки всем нашим усилиям сохранить мир, все-таки ставшая неизбежной; и каких усилий и жертв стоила нашему народу победа в этой справедливой войне.

По-моему, это тем более важно, что многие события последнего времени на разных континентах напоминают нам о том, как поднимал голову фашизм в тридцатые годы и чем это было чревато для человечества.

— Сегодня в мире ведутся горячие споры о роли литературы, искусства в жизни людей.. Как вы, советский писатель, понимаете эту роль, в чем, на ваш взгляд, проявляется ее реальная польза?

— Наш народ — народ читающий. Народ, которому нужна литература, как часть его духовной жизни. Это налагает на

ваш взгляд сегодня максимальную острую?

Он отвечает не сразу.

— Мне кажется, что основной нравственной проблемой остается по-прежнему проблема сочетания общественного и личного, способность людей подчинять деятельность общественному долгу, не насилия своей личности.. Этот вопрос сложный, нельзя упрощать его. Не всегда нам хочется делать то, что мы должны делать. Но если говорить о чем-то главном в жизни, то подчинение общественному долгу все в большей и в большей мере должно отвечать личным желаниям человека.

Насколько сложен этот вопрос, можно представить себе, скажем, обратившись к примерам военного времени.

Момент, когда по сигналу командира из окопов и укрытий поднимается в атаку на противника рота.. В этот момент общественный долг каждого солдата — встать и идти вперед. Но у человека есть личный интерес — быть живым. Для того чтобы оставаться живым, нужно оставаться в укрытии. Но человек это преодолевает, в его личности, внутри, есть нечто, и это нечто заставляет его подняться и идти в атаку и выполнять общественный долг. Что в нем сильнее — стремление выполнить долг при сознании, что это может принести ему смерть, или стремление оставаться в живых, отказавшись от выполнения общественного долга? Вот наиболее драматическая постановка этого вопроса. Он в данном случае связан не только с физической жизнью человека, он связан, скажем, с пониманием чувства долга и по отношению к стране, и по отношению к

правильный взгляд. Насколько С другой стороны, здоровый, сильный, на все способный, с точки зрения физических и профессиональных данных, человек, работающий тем не менее хуже других, казалось бы, логически должен быть поставлен обществом в условия меньших удобств, меньшего заработка и т. д. Почему же мы на деле иногда повторствуем таким людям в их плохой работе? Повторствуем возможностью создания высокого жизненного уровня по сравнению с людьми, действительно отдающими себя до конца обществу? Вот об этом придется думать, эту проблему придется решать и решать как можно скорее...

— Журналисты «Комсомольской правды» часто пишут о героизме людей, особенно молодых, при каких-то чрезвычайных ситуациях, стихийных бедствиях, авариях.. Но все это происходит в мирное время. Вами написаны тысячи страниц о подвигах людей во время войны. Где по-вашему, легче совершить подвиг — на войне или в мирное время? Или такой вопрос неправомерен?

— Наверное, лучше бы обратить этот вопрос к людям, совершившим подвиги.. Но если вы спрашиваете меня, то я бы хотел заметить, что мы вообще должны подходить к слову «подвиг», осторожней, я бы сказал, целомудренней, чем это у нас часто делается.

Есть ведь еще такое, достаточно высокое понятие, как неукоснительное выполнение своего долга — военного и гражданского, профессионального и нравственного долга.

Мне лично кажется, что во многих случаях, когда наши журналисты пишут слово «подвиг», на самом деле речь

ОКНО

Вечно ГОНИМЫЙ

ОБРАЗ этого зверя известен каждому с самого детства. Сначала по сказкам, потом по рассказам охотников, пастухов, по книгам писателей и ученых. Это, пожалуй, самый известный для нас дикий зверь, и в то же время ни о ком другом не рассказывалось больше вымысла и небылиц. Это понятно — встреча с волком всегда очень волнует, и подлинный факт почти неизбежно обрастает и домыслом.

Фотография беспристрастна. И сегодня мы имеем возможность наблюдать два момента в жизни волков. Первый снимок сделан во время облавы. Смотрите, как осторожно приближается зверь к линии красных флагов. Он собирается, как тугая пружина. Он щелчка фотографии волк метнулся и в испуге выскоцил на стрелку...

Второй снимок сделан моим коллегой канадским фотографом с вертолета. печатлен редкий момент — стая волков нападает на лося. Развязка нам неизвестна. Иногда лосям удается отбиться, но в этом случае вряд ли — тринадцать волков...

В. ПЕСКОВ

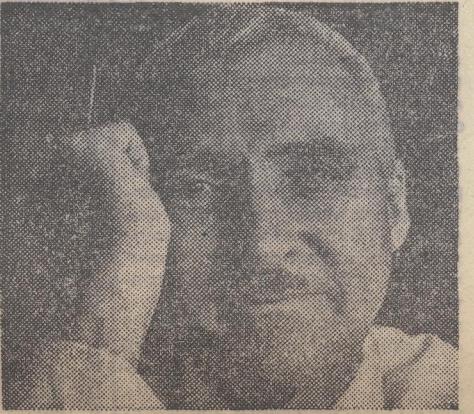
и. И тот, о ком это скажен воспринимать это высокую и при этом точечную своей деятельности своего поступка.

Подвиг — есть нечто такое, что нельзя говорить и писать каждый день. Излишнее изложение этого понятия приведет к его обесценению. А они в коем случае не следопускать.

Если речь идет действительно о подвиге, то хочу напомнить об одном весьма важном для литературы и для науки обстоятельстве. Очень важно при описании не приводить подвиг из жизни века, как дистилированной водой. Когда мы показываем

человека, то мы должны спорить, способность быть чутким к несправедливому, умение задумываться над несовершенствами жизни, критиковать эти несовершенства. Но критически мыслящие личности, а такие личности существуют во всех поколениях, в том числе и в молодом, я бы поделил на две категории. На тех, которые способны к критическому мышлению в ходе работы, и на тех, которые способны к такому мышлению вместо работы. И я воспринимаю положительно, разумеется, только первую категорию.

В чем, по-вашему, должна проявляться общественная активность молодого человека,

вступающего в самостоятельную жизнь?

Ясно, что человек должен искать себе работу, стремиться к той работе, где он с наибольшим коэффициентом полезного действия может приложить свои силы на службе обществу. Мне кажется, что общественная активность начинается с этих поисков, с принципиальности в этом вопросе. Я не верю в общественную активность человека, если он ищет и находит работу легкую и удобную и сознательно уходит от необходимости отдавать все свои силы людям. Мне неинтересны его речи насчет того, что должен человек и чего не должен. Общественная активность повторяю, на мой взгляд, начинается с выбора работы по плечу. Причем главным в этих поисках должно быть желание отдать, а не желание взять. По плечу я называю отдачу по плечу, а не ложку по рту. Работа, засучив рукава, — вот главная общественная активность...

Что, по-вашему, делает человека счастливым, что ценится в жизни им более всего?

Самым важным для меня было всегда ощущение необходимости своей работы. Это ощущение приносит и приносит мне наибольшее счастье. Общественная оценка деятельности того или иного человека прежде всего связана с его трудом — это очень дорогая для нас черта нашего общества. Именно поэтому вызывают тревогу факты, связанные с деформацией понятия — важности оценки труда человека, оценки личности человека по его труду... Мы сталкиваемся со случаями примиренчества с плохой работой, с работой не в полную силу, со стремлением людей использовать гуманные принципы общества для прикрытия своей нечестной рабо-

ты. Константин Михайлович, что, по-вашему, наводит человека на мысль о подведении жизненных итогов? То ли яркий успех, то ли удар горький, неудача? И вообще это хорошо или плохо — жить в состоянии аккуратно подведенных итогов?

Симонов смеется:

Я в состоянии подведенных итогов жить не пробовал. Как-то мне не приходило в голову подбивать...

Бабки?

Да, подбивать бабки. Бывали ли у меня неудачи стимулом к дальнейшей работе? Каким-то толчком, который требовал другого занятия? Вы знаете, писатель обычно очень поздно понимает свою неудачу. Дело не в самоуверенности, просто ему надо отойти довольно далеко от книги, чтобы почувствовать, что вышла она не так, как ему хотелось... И все же, конечно, бывает, что накапливается такое чувство неудач... Скажем, у меня где-то к пятидесяти пятому году появилось ощущение неудовлетворенности тем, что я делал как писатель. Я был недоволен многим из того, что писал, особое недовольство у меня вызывал мой роман «Товарищи по оружию». Я думал, мучился, без конца задавался вопросом: так как же, буду я писателем или нет? Научусь я писать прозу или нет? И с этим очень сердитым по отношению к себе чувством я взялся за дальнейшую работу, начав ее с романа «Живые и мертвые»...

Константин Михайлович, кто ваш любимый литературный герой?

Сложно ответить... Любимый герой должен быть в самой любимой книге. Иначе это нелогично было бы. Самая любимая книга — это «Война и мир». Мог ли я сказать, что в ней у меня есть любимый герой? Если можно себе представить автобиографию любимого героя, то это и Пьер, и Андрей. А скорее, точнее — это все-таки встающий за ними облик самого Толстого, который все, что хотел, сказал через этих людей... И жизнь почувствовал тоже через них обоих...

Скажите, когда вы вступили в Коммунистическую партию?

В кандидаты партии — в сорок первом. Уже не помню, или накануне, или в день отъезда на фронт 23 июня получали в райкоме вместе с Евгением Долматовским — он партбилет, я — кандидатскую карточку...

Кто ваш самый близкий друг?

Самый близкий друг? Жена. Почему? Мы разделяем взгляды на жизнь, это во-первых, и говорим друг другу правду о своей работе, это во-вторых. У меня есть и другие близкие друзья. Но вы ведь спросили о самом близком.

Константин Михайлович, кого из литературных героев, созданных вами, вы прежде всего пригласили бы за свой праздничный стол? В наиболее дорогой для вас праздник?

Ну, видите какое дело... Я... Немножко странное предложение, не сразу ответишь! Если бы к сегодняшнему дню был жив Серпилий, я хотел бы с ним поговорить, спросить его,

— Да спасибо... вы неоднократно награждались во время войны. Какая из наград военного времени является для вас наиболее дорогой?

В мае сорок второго года я вместе с автором «Золотого тельца» и «Двенадцати стульев» Евгением Петровичем Петровым был на Карельском фронте. Это была, кстати, его предпоследняя поездка. В следующую он погиб, возвращаясь из Севастополя. И вот в землянке, на Мурманском участке фронта, мы вернулись в артиллерийских позиций, сидели, холодно было, замерзли. И вдруг пришел в землянку наш знакомый по фронту, ныне покойный, полковник Рузов Леонид Владимирович, в прошлом полярник, начальник одной из зимовок, очень интересный человек, — вошел в землянку веселый, потрясая в воздухе флягой, сказал мне: «Достал под тебя целую флягу спирта!» Я говорю: «Каким образом?», — «А вот каким образом?», — и положил телеграмму из «Красной звезды» о том, что я награжден орденом боевого Красного Знамени...

Для меня этот орден очень дорог. Это был первый орден, полученный мной за войну, и орден, с которым у меня были связаны еще мальчишеские воспоминания. Когда я был мальчиком и жил в военных городках, в то время был один орден — Красного Знамени. И тогда орденоносца называли краснознаменцем. У меня с этим орденом было связано представление о революционных заслугах, о гражданской войне. С детства... И получить этот орден в первый год войны, где-то там, за Полярным кругом, очень далеко от Москвы, для меня было огромной радостью.

А если говорить о послевоенном времени, то, конечно, я был глубоко взволнован, когда в свое пятидесятилетие был награжден орденом Ленина. И, получая его, думал о том, что надо постараться жить и работать так, чтобы иметь право носить на груди этот орден.

Скажите, если было бы вот так: вы — корреспондент «Комсомольской правды»... Сядите напротив писателя Симонова и он ждет вашего вопроса... Какой вопрос бы вы ему задали?

При хорошем к нему отношении?.. При плохом?..

Хорошем...

Гм. Затрудняюсь... Вот при плохом я бы сразу спросил: «Почему вы мало пишете о молодежи?»

А все-таки как бы ответил на этот вопрос писатель Симонов?

Я постарался бы оправдаться тем, что я ведь пишу для молодежи. Во всяком случае, стремлюсь к этому...

Последний вопрос: Ставила ли жизнь перед вами вопросы, на которые вы так и не смогли ответить?

Симонов молчит.

Говорят после паузы: «Помимо, она только это и делала». Потом улыбается и добавляет, что если писатель возомнит, что может ответить на любой вопрос жизни, тогда писателем он не может быть и как писатель прекращается...

Беседу вел Г. БОЧАРОВ.

В кабинете Симонова многое напоминающих о дорогах встречах, поездках. А на боковом столе, прямо у листа бумаги, — полосатый пограничный столбик, серебристо-белый советский герб и пушка, триумфальная вавилония Константина Симонова от побережья острова Даманского...

Что вам наиболее дорого в молодом человеке сегодняшнего дня в какие его черты вызывают протест, огорчение?

Наиболее привлекательным для меня в современном молодом человеке является его разованность, куда более широкая по сравнению со време-

НИРОДУ